

2006 г.

Моя бабушка, Анисья Михайловна Епихина, приходилась родной сестрой Мавре Михайловне Чуриковой (их девичья фамилия — Свиридовы). Мама, Пелагея (Полина) Назаровна Лукьянова, и Любовь Тимофеевна Космодемьянская были двоюродными сестрами, а мы с Зоей — троюродными.

Анисья Михайловна и Мавра Михайловна родились в бедной семье. У них было еще две сестры и брат. Землю на женщин в то время не давали, так что им приходилось работать по найму. Все сестры были трудолюбивые, умные, красивые и стройные. Поэтому их замуж брали богатые люди. Мой дедушка, Назар Федорович Епихин, имел в Гаях двухэтажный каменный дом, много земли, большой скотный двор. От первого брака было у него трое сыновей, и Анисья Михайловна, вторая жена, родила ему девять детей, видимо, поэтому и рано ушла из жизни (моей маме было всего 13 лет, а ее младшему брату 3 года).

В это время шестеро старших сыновей Назара Федоровича были уже женаты и отделены, у каждого свой дом. Всем сыновьям дедушка дал образование. А моя мама гимназию оставила, так как он не захотел жениться третий раз, и она нянчила младших. Училась мама в гимназии вместе с Любовью Тимофеевной в г. Кирсанове (но в разных классах — мама была на три года младше), и уже тогда началась их крепкая дружба, которую они сохранили на всю жизнь.

Дедушка Назар был богатырского телосложения, очень хорош собой, с неугомонным характером. Был он притом глубоко верующим человеком. На праздники он приходил в церковь со своими шестью сыновьями и пятью дочерьми, и все становились на клиросы и пели. У всех были прекрасные голоса. Мама посещала церковь до самой смерти и всю жизнь пела в церковном хоре. Молитвы пела и дома всегда.

Когда ей исполнилось 19 лет, дедушка сказал: «Замуж пойдешь за Василия Ивановича Лукьянова, кузнеца». У мамы был молодой человек, но он уехал в город и ее хотел забрать в Москву. Дедушка сказал: «Это вертопрах, дома не сидит, бегаёт по городам». Ослушаться было нельзя. Папа нравился дедушке, поскольку был трудолюбив, красив и умен.

И вот мама в новой семье, и нас родилось уже четыре человека. 1933 год. Коллективизация. Дедушку и всех его сыновей раскулачивают, всё отнимают, и их выбрасывают под открытое небо. Дома все сломали, скот в колхоз забрали. Раскулачили и семьи дочерей. Дети Назара Федоровича разлетелись кто куда: в Тамбов, в Москву, в Ленинград... Дочь Мария умерла на Тамбовщине, когда застрелили

ее мужа-священника. Осталось пятеро маленьких детей... Их взял и воспитал мамин брат дядя Андрюша.

А дедушку, которому тогда было уже 75 лет, вывели из дома и сказали: «Убирайся куда знаешь». Он пришел к маме. Но папина тетя вечером зашла к нам и сказала отцу: «Вася, свата Назара прогони. Иначе тебя раскулачат мои звери». Это были папины двоюродные братья, но они никого не щадили. Отец не мог поверить, однако наутро явилась бригада, всех нас из дома выпроводили, дом сломали, скот в колхоз, и всё отняли. Запасы хлеба отобрали. Мы в одночасье стали нищими. Как жить? Нас спасли золотые папины руки. Его взяли в колхоз за 3 километра от Осино-Гаев(2). А жить было негде. Над нами сжалилась монахиня и пустила в свою келью. Потом мы жили в других кельях, и так 8 лет скитались по чужим домам.

Вот в эти годы Любовь Тимофеевна приезжала летом с Зоей и Сашей к своим родителям (их раскулачивание не коснулось) в Осиновые Гаи. И всегда она приглашала мою мать — повидаться. Мне было 7-9 лет, мама брала меня с собой.

Итак, мы собираемся в гости. Надеваем что-нибудь получше, хотя сундук почти пустой. Идти далеко — 3-4 километра. У Тимофея Семеновича и Мавры Михайловны был большой прекрасный дом в центре села, выкрашенный в зеленый цвет, окна большие, с красивыми наличниками. Мы поднимаемся по высоким желтым ступенькам, открываются створчатые двери (до половины стеклянные), и нас встречают Любовь Тимофеевна, Мавра Михайловна и Зоя с Шурой! Тимофей Семенович, видимо, занят своими делами: ставит самовар, носит угли. Начинаются объятия, поцелуи и чаепитие. Зое и Шуре (они старше меня) не до нас, их ждет ватага деревенских ребятишек, они быстро убегают.

А мы проходим в дом. Все улыбаются, шутят, рады встрече. В доме было две комнаты, кухня и сенцы. Угощают нас в кухне, просторной и светлой, в три окна — два выходят на улицу, одно во двор. На окнах чистенькие шторы. На стол подаются чай, сушки и длинные конфеты. Но я ничего не ем, хоть и очень хочется. Я стесняюсь. Я рассматриваю все, что меня окружает, и все меня прямо-таки поражает и удивляет. В переднем углу иконы с подбожником. Стоит в кухне шкаф, деревянный, с очень красивыми резными украшениями, дверцы стеклянные — в нем посуда, хлеб и все съедобное. Кровать в углу покрыта одеялом из разных лоскутов. Пол устлан самоткаными дорожками. Печка белая-белая. Везде занавесочки. Пол в сенцах желтый. Это редкость — полы в сенях у всех были земляные. Дверь в горницу чуть приоткрыта. Горница большая и светлая, в пять окон! Вижу печку-голландку, две кровати, убранные покрывалами, и дорожки. Больше ничего не видать. А за столом

пьют чай и разговаривают. Любовь Тимофеевна в светлом платье, Мавра Михайловна в темной кофточке и темной юбке. Сначала все улыбаются, а потом лица становятся печальными. Наверное, вспоминают прошлое. Любовь Тимофеевна производит впечатление человека волевого, спокойного, немного строгого. И конечно, в ней грусть затаенная нелегкой вдовой судьбы — ее никуда не спрячешь. Да и маме похвастаться нечем: живем в келье, на 6 кв.м. восемь человек с люлькой.

Посидели, поговорили — пора и честь и меру знать. Мама встает, благодарит. Мавра Михайловна и Любовь Тимофеевна идут на улицу немного проводить нас. Так заканчивается встреча с самыми близкими людьми.

Моя мама была очень добрым человеком, имела страсть помогать нищим. Их тогда много было. Сами нищие, а всех накормит, даже умудрялась на ночь оставлять слепых братьев и поводыря. Папа возражал, но, в конце концов, во всем потакал ей. Скандалов не было никогда. В этом наше счастье. Выросло нас шесть человек, а еще шестеро умерли в младенчестве. Пятеро из шести получили высшее образование.

После войны мама часто навещала Любовь Тимофеевну в Москве. Приедет, а у той делегации, делегации: из стран народной демократии, из союзных республик — бесконечный поток. Она лишь глотала таблетки беллола (успокоительное) и говорила маме: «Подожди, Поля, вот провожу эту делегацию, тогда попьем чаю». Чайник закипал, она заваривала чай и накрывала куклой — подарок корейцев... Мама спрашивала ее: как это ей удастся так держаться? Любовь Тимофеевна отвечала: «Я выполняю материнский долг перед своими детьми. Иначе мне жить нет смысла».

Мама, хоть и не доучилась в гимназии, но была очень грамотным человеком. Всю жизнь, до самой смерти Любви Тимофеевны (мама умерла позже, в 1990 году), они переписывались, была между ними духовная близость. Все письма Любви Тимофеевны бережно хранятся в нашем семейном архиве. Одно из писем мне очень хотелось бы привести в конце своих воспоминаний.

Датировано оно (по штемпелю на конверте) мартом 1965 года.

«Дорогая Полина Назарьевна! Вчера послала вам открыточку поздравительную, а к вечеру получила от вас хорошее письмо со всякими новостями. Меня все интересует, что касается Гаев. От вас первой я узнала осмерти Анны Васильевны. Когда она умерла, вы мне не написали. Кроме вас мне никто ничего не пишет, к тому же я переехала на новую квартиру, теперь живу совершенно одна. Тихо, спокойно, никто ненервирует. Плохо только, когда заболēju, да и там мне было не лучше, даже хуже,

все равно когда и болела. Мне они(3) никто ни в чем не помогали. Последнюю неделю сильно болела, просквозило —вздумали сами уборку делать, открыли балкон, окно, и меня так продуло, что утром я не могла подняться с постели, и сейчас еще плохо, но уже пошло на поправку, думаю, к празднику буду ходить хорошо. Я удивлена, почему Марфа Васильевна мне никогда не написала ни одного письма. Если вы ее увидите, то дайте мой адрес, пусть она напишет мне, а я забыла ее адрес. Женился ли ее сын Геннадий Алексеевич?

Осенью я два раза выезжала за границу. Была в Словакии и ГДР. В Германской Демократической Республике одной из лучших немецких танковых казарм присвоено имя Зои Космодемьянской. Мое пребывание совпало с 15-й годовщиной празднования ГДР. Вы, небось, скажете: за границу выезжаю, а на родину никак не соберусь приехать? За границу легче, чем до Гаев добраться. На аэродром меня отвезли, и через 2 ½ часа я была в Берлине, так же и обратно.

Ну, дорогая Полина Назарьевна, пишите хоть изредка.  
Привет всей вашей семье и праздничное поздравление.

Л. Космодемьянская».

Памятник Матери: воспоминания  
о Любви Тимофеевне Космодемьянской.

Тамбов, 2010. С. 19 — 24.

Примечания:

(1) Родилась в 1928 г.

(2) Так в тексте.

(3) Имеется в виду семья сестры О.Т. Бабкиной, вместе с которой Л.Т.Космодемьянская жила в конце 50-х— начале 60-х гг.